

Его молчание в глазах Ду Ицзэ казалось косвенным признанием собственной ошибки. Увидев, как Ван Цзяюй с каменным лицом сидит за столом, не проронив ни слова, Ду Ицзэ вспомнил печальные и сдержанные выражения на лицах родителей Су Янь. Он бросился вперёд, сдерживая бушующий гнев.

— Командир Ван, как вы могли!.. Как вы могли не подтвердить информацию перед тем, как...

Ван Цзяюй опустил веки, выглядел усталым и безжизненным.

— Времени не хватило.

Ду Ицзэ оцепенел. Он не мог понять, привык ли уже Ван Цзяюй к таким вещам или просто не считал их достойными упоминания. Гнев мгновенно вспыхнул, поднявшись к вискам.

— Времени не хватило? Вот и всё? Их жизни для вас ничего не значат?

— Ты не имеешь права меня поучать.

— Вы совершили ошибку, командир!

— С чего ты взял, что можешь судить меня? — Ван Цзяюй ударил ладонью по столу, гул от удара разнёсся по комнате, и из остывшей чашки чая выплеснулось несколько капель. Он встал, жилы на шее напряглись. — Даже если шанс всего один процент, мы должны попробовать. Если мы не будем действовать быстро, завтра погибнет ещё больше невинных людей!

Ду Ицзэ, сжимая кулаки, опёрся ими о стол.

— Вы отправляете их на смерть!

— Они — спецназ, это их миссия!

— Их миссия не в том, чтобы умирать!

— Это их долг! — Ван Цзяюй произнёс это с твёрдой уверенностью. — Погибнуть на поле боя — это честь! Ты что, не понимаешь?

Сказав это, Ван Цзяюй тяжело вздохнул, словно сбросив с плеч огромный груз, и снова сел в кресло.

— Я ошибся в тебе. Ты дезертир.

— Я не дезертир! — Костяшки пальцев Ду Ицзэ побелели от напряжения, зубы слегка скрипнули. На самом деле он прекрасно понимал, что даже если бы они знали, что это задание — верная смерть, они всё равно не могли бы отказаться. Но теперь, когда он стал выжившим наблюдателем, когда он чудом остался в живых, когда среди погибших были его близкие друзья и товарищи, он не мог воспринимать их смерть как нечто само собой разумеющееся.

Однако холодность Ван Цзяюя сбивала его с толку. Ему казалось, что в словах командира есть доля правды, но они звучали слишком сурово и бесчувственно, чтобы быть истиной. Ду Ицзэ медленно покачал головой, пробормотав:

— Это не справедливо.

Ван Цзяюй указал на дверь.

— Я знаю, тебе тяжело. Отдохни пару дней, потом приходи.

— Это не справедливо. — Ду Ицзэ поднял голову, его глаза горели, как два неугасимых огонька. — Уродливый Кот — почему мы не можем сотрудничать с ними?

Ван Цзяюй окинул его взглядом и усмехнулся.

— Сотрудничать? Как это возможно?

— Почему мы не можем использовать их силы? Почему мы предпочитаем тратить ненужные деньги и силы, вместо того чтобы выбрать более эффективный метод?

— Потому что у нас разные позиции.

— Это не справедливо, это лицемерие! — перебил Ду Ицзэ. — Командир Ван, почему вы не хотите признать, что нашими силами мы просто не сможем приблизиться к Крысе?

Ван Цзяюй смотрел на него несколько секунд, затем из его губ вырвался презрительный смешок. Он раздражённо достал ключи из-за пояса, открыл потайной ящик под столом и вытащил коричневый конверт, бросив его на стол.

— Хорошо, тогда иди и сотрудничай с ними! У меня нет возражений!

— Смотри, смотри внимательно, — Ван Цзяюй вытащил из конверта толстую пачку аккуратно отсортированных документов и шлёпнул их на стол. — Ты всё ещё думаешь, что он добродушный и никогда не идёт против нас? Ты знаешь, почему? Потому что он знает о нас всё! Ты прав, он не идёт против нас, и я должен благодарить небеса за это. А ты? Ты кто такой? Какие у тебя есть возможности, чтобы он стал с тобой сотрудничать?

Зрачки Ду Ицзэ сузились, когда он взглянул на первый документ под рукой Ван Цзяюй. Он увидел хозяина вонтонной, который бесстрастно смотрел в объектив. Он больше не носил длинное платье, а был одет в светло-голубую рубашку в полоску, а на документе стояла печать с надписью «Совершенно секретно».

— ...Я знаю его.

Глаза Ван Цзяюй медленно повернулись, его взгляд стал тяжелее. Он убрал руку, чтобы Ду Ицзэ мог лучше рассмотреть информацию об Уродливом Коте.

Глаза Ду Ицзэ словно приклеились к фотографии и настоящему имени Уродливого Кота. Через минуту он уверенно повторил:

— Я знаю его.

— Ладно, хватит думать об этом, это грязная работа. — Ван Цзяюй положил документы обратно в конверт, но, когда он уже собирался убрать его в ящик, Ду Ицзэ схватил его за руку.

— Я могу это сделать.

Ван Цзяюй был прав в одном — у них действительно не было времени. Ду Ицзэ не мог, как герои гонконгских фильмов, долго готовиться, быть под прикрытием. Его метод был простым, прямым и грубым — настолько грубым, что он чуть не лишился жизни. Много позже, вспоминая это, он думал, что, возможно, тогда в нём было что-то саморазрушительное, иначе он мог бы использовать более безопасный и надёжный способ проникнуть внутрь, а не в одиночку явиться к людям Уродливого Кота, бросить табельное оружие, протянуть удостоверение и сказать:

— Я хочу его видеть.

Ду Ицзэ довольно точно оценивал свою живучесть, ведь он сам однажды сказал, что «выносливее таракана в подъезде». Его нога ещё не зажила, но людям Уродливого Кота было всё равно, здорова она или нет. Они заперли Ду Ицзэ в подвале, используемом для хранения, связали его руки верёвкой и подвесили в воздухе. Сначала он чувствовал острую и сильную боль, которая напоминала ему, что он жив. Однако в подвале не было ни малейшего движения воздуха, и, когда он потерял чувство времени после долгих мучений, его ощущения начали притупляться. Иногда он гадал, сколько рёбер у него сломано, а иногда ему казалось, что его душа покинула тело и парит под потолком, наблюдая, как он, как кусок гнилого мяса, беспомощно висит, опустив голову.

Не раз Ду Ицзэ думал, что умрёт здесь. Однажды ему даже показалось, что он видит предсмертные видения — лицо Ли Минъюя мелькнуло перед его глазами, затем Су Янь, которая, заплетая волосы, сказала: «Я сделаю тебе макияж, посмотрим», а потом он увидел хозяина вонтонной, который когда-то протянул ему маленькую миску с вонтонами.

Уродливый Кот подошёл, внимательно осмотрел его и с некоторым удивлением спросил:

— Я помню, ты в детстве был довольно умным. Как ты оказался на их стороне? — Он похлопал Ду Ицзэ по лицу, не обращая внимания на засохшие сгустки крови. — Что ты хотел от меня?

Ду Ицзэ с трудом открыл глаза. Осознав, что это не галлюцинация, его дыхание участилось, грудь вздымалась, как огромные меха, а в пустом подвале раздавался его сдавленный, хриплый, почти разрывающийся голос.

— Почему умерла не я? — Ду Ицзэ смотрел на Уродливого Кота, но, казалось, спрашивал себя.
— Она просто выполнила задание за меня, почему умерла не я?

Уродливый Кот нахмурился, словно вспомнил что-то, и с печалью покачал головой.

— Прими мои соболезнования.

Один из подручных подошёл и протянул карту Уродливому Коту.

— Босс, вот карта, которую я нашёл.

Уродливый Кот взял карту и развернул её перед Ду Ицзэ.

— Что означают эти отметки?

Ду Ицзэ с трудом ответил:

— Карта неполная. Опустит меня, и я дорисую.

— Босс, нельзя его опускать! Он же полицейский!

Уродливый Кот обернулся и отругал его:

— Ты его уже до такого состояния довёл, куда он денется?

Подручный невнятно пробормотал что-то и неохотно развязал верёвки, посадив Ду Ицзэ на деревянный стул. Уродливый Кот достал ручку из нагрудного кармана рубашки и протянул ему.

Ду Ицзэ сжал ручку, как кулак, изо всех сил стараясь удержать израненное запястье, чтобы не испачкать карту. Однако его руки были связаны слишком долго, и он едва мог держать ручку,

дрожа, он указал на одно из отмеченных мест на карте.

<http://bllate.org/book/15266/1347236>